

Пролог

Я вновь брёл в непроглядной темноте, как после ранения, когда закрыл собой цесаревича.

Брёл, пробиваясь через какую-то вязкую чёрную субстанцию, пытаюсь добраться до ярко сверкающей впереди маленькой точки-звёздочки. Каждый шаг я делал с огромным усилием мышц всего тела, а каждый вздох давался всё труднее и труднее.

Меня начала охватывать паника, что ещё немного, и я не смогу вздохнуть. Боль в районе сердца под лопаткой становилась всё сильнее и сильнее, и она сводила судорогой межрёберные мышцы, не давая дышать.

В этот момент увидел, что звёздочка, как и тогда, рванулась ко мне, быстро увеличиваясь в размерах. Она росла, а боль становилась беспощаднее. Вот светящийся шар добрался до меня, и перед глазами открылся светлый тоннель. Я сделал шаг в него, ещё один. И тут мне показалось, что я слышу голос Марфы, которая кричит: «Ермак! Стой! Вернись!»

Я повернул голову назад и увидел молодое лицо ведуньи, искаженное в крике. Развернулся к ней. Сделал шаг, второй — яркая вспышка, кажется, я закричал и очнулся.

Я лежал на кровати в больничной палате, в которой больше никого не было. В окна светило яркое

солнце. Грудь стягивала тугая повязка. Каждый небольшой полувдох-полувыдох отдавался сильной болью под левой лопаткой.

«Кажется, опять выжил. Промахнулась в который раз красавица с косой», — сказал я про себя те же слова, как и почти тринадцать лет назад в избе Марфы. И тут я застыл, забыв дышать. Дверь в палату открылась, и в помещение собственной персоной вошла Марфа-Мария, которая с усмешкой уставилась на меня.

— Что, герой, очнулся? — с какой-то материнской заботой в голосе произнесла Бутягина, при этом кокетливо поправляя локон волос, который выпал из-под белой косынки с красным крестом.

В свои сорок семь лет женщина выглядела от силы на тридцать, тридцать пять максимум. Я попытался вздохнуть, что удалось мне с трудом, а потом закрыл глаза, крепко зажмурившись. Через несколько секунд, медленно выдыхая, вновь открыл глаза. Мария Петровна в белом халате и косынке никуда не исчезла, а, подойдя к кровати, положила ладонь мне на лоб.

— Всё, жар спал. Кризис миновал. Слава тебе, Господи! Живучий ты, Тимофей Васильевич, как кошка. Точно, девять жизней имеешь в запасе. Местные врачи тебя уже, можно сказать, похоронили. Если бы не профессор Павлов, который, наверное, по воле Бога прибыл неделю назад во Владивосток с инспекцией военно-морского госпиталя, то тебя не удалось бы спасти. А мы с Пашей после операции неделю от твоей постели не отходили, не давая уйти за кромку. Мне пришлось и свой дар задействовать... — Бутягина зябко передёрнула плечами.

Я попытался задать вопрос: «Что за профессор Павлов и как вы здесь оказались?» Но изо рта вырвался только какой-то хрип.

— Сейчас, сейчас! — засуетилась, как и тогда, Мария. Взяв с тумбочки около кровати заварочный чайник, стала из носика поить какой-то горькой дрянью. Сделал пять-шесть глотков, терпя сильную боль в левой лопатке, и устало откинулся на подушку.

— Молодец! Всё! На поправку пошёл! — Мария Петровна поставила чайник на место и села на табурет рядом с кроватью. — А теперь кратко. Ты получил шарик шрапнели в левую половину груди. Пуля остановилась рядом с сердцем, не пробив лопатку. Великий князь Александр Михайлович жив. Дирижабль остался целым. Японцев, захвативших батарею, всех уничтожили. Ты в госпитале находишься уже девятнадцать дней. Шрапнель, пройдя через бекешу, китель и нательную рубаху, занесла ткань глубоко в рану, и у тебя началось внутри нагноение, так как местные эскулапы не рискнули доставать пулю, боясь задеть сердце.

Мария, увидев мои потуги задать вопрос, прижала палец к моим губам.

— Молчи. Тебе нельзя пока говорить. Как я уже сказала, местные врачи поставили на тебе крест. Хорошо, что Павлов Евгений Васильевич здесь оказался. Да, это лейб-хирург, заслуженный профессор Военно-медицинской академии, тайный советник и прочее, прочее, прочее. А самое главное — хирург от Бога. Он тебя с того света и вытащил, достав пулю и прочистив рану. И мы с Пашей немного помогли. Мы новую разработку пенициллина привезли. Выехали сразу, как о твоём ранении узнали. Спасибо Марии Аркадьевне. Она телеграмму прислала.

Я улыбнулся. Узнаю свою жену. Наверное, всех знакомых на уши поставила.

— Из информации — всё. Сейчас несколько ложек питательного бульона. Хватит на физрастворе сидеть. А потом спать. Снотворное ты уже выпил.

Через несколько минут, во время которых впервые после ранения я осознанно проглотил что-то из пищи, пусть и в виде бульона, почувствовал, что веки начали сами закрываться, а сознание куда-то поплыло.

«Какой же раз я уже в этом мире разминулся с костлявой?» — подумал я, с трудом удерживая сознание.

И про этот мир я подумал, не разделяя его на этот и тот свет. Так уж получилось, что матрица сознания, или душа гвардии подполковника спецназа ГРУ Аленина Тимофея Васильевича, то есть моя, каким-то образом пятнадцать лет назад перенеслась из две тысячи восемнадцатого года в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год в тело четырнадцатилетнего казачонка Тимохи Аленина из станицы Черныяева Амурского казачьего войска.

За эти пятнадцать лет много чего произошло со мной в этом мире. Теперь я не какой-то Тимоха, а Тимофей Васильевич Аленин-Зейский — подполковник Генерального штаба, флигель-адъютант и начальник Аналитического центра при Николае II. Женат на дочери генерала от инфантерии Бенековского и почти два года назад стал отцом здорового бутуза по имени Василий Тимофеевич.

А началось всё с того, что закрыл собой от снайперской пули цесаревича Николая Романова, возвращавшегося из так называемого Восточного путешествия. Потом учёба в Иркутском юнкерском училище, первое офицерское звание. От императора Александра III за спасение сына получил орден Святого Георгия IV степени, потомственное дворянство и приставку Зейский к фамилии. Императрица подарила очень неплохое имение рядом с Гатчиной.

По указанию государя был телохранителем у Николая, когда отец направил его заместником на Даль-

ний Восток. Ещё два раза предотвратил покушения на цесаревича. Потом гонял хунхузов на границе с Китаем, затем академия Генерального штаба, участие в походе в Китай, где отметился при штурме фортов Таку и арсенала Тяньцзиня, участие в обороне Благовещенска и в рейде отряда генерала Ренненкампа.

Когда взяли Гирин, узнали, что император Александр III, императрица, великий князь Георгий и великая княгиня Ольга заболели брюшным тифом, а потом пришла телеграмма от цесаревича с просьбой-приказом прибыть в столицу.

Прибыл чуть позже похорон Александра III, который дожил в этом мире до двадцать девятого сентября одна тысяча девятисотого года. Может быть, и дольше бы прожил, но был отравлен вместе с женой, Георгием и Ольгой. Николай с беременной супругой и двумя сыновьями остались живы только из-за капризов Елены Филипповны, которой захотелось покататься на яхте. Благодаря чему они и не отведали отравленного компота.

Да-да, жена у Николая не Гессенская муха, а Елена Орлеанская, в православии Елена Филипповна, и у них уже на настоящее время трое детей, включая девятилетнего наследника престола Александра Николаевича, будущего Александра IV.

Аликс же по настоянию королевы Виктории вышла замуж за герцога Йоркского, теперь уже короля Георга Пятого. Так что гемофилия царскому дому Романовых не грозит. А вот как обстоят дела у сына английского короля маленького Эдуарда, надо будет уточнить.

То, что двоюродный брат Николая так рано занял английский трон, произошло из-за того, что его бабушка Виктория, папа — принц Уэльский и храмовый совет, или капитул Великой объединённой ложи Ан-

глии, приговорили Александра III со всем семейством к смерти. Причина банальна — снижение прибыли от наркотрафика в Китай и в Россию.

Российский император решил подмять под себя Маньчжурию и Ляодунский полуостров с их двадцатью миллионами населения и запретить свободную продажу опиума и его производных на этой территории и в Российской империи. Этому Александру III не простили в «Большой игре», объявив тайную смертоносную войну.

Меня же Николай отозвал из Китая, чтобы я нашел убийцу и заказчиков, а также подготовил тайный адекватный ответ. Убийцу я и мои помощники нашли в Лондоне и доставили пред очи государя Николая II. Потом был взрыв главного храма английских масонов во время проведения храмового совета верхушки посвящённых, где свадебным генералом присутствовал великий мастер ложи «брат Эдуард», или принц Уэльский.

Этот взрыв храмовый совет и принц не пережили, а сердце мамы принца, то есть королевы Виктории, не выдержало, и она также покинула этот бранный мир. Во время похорон королевы Виктории и принца Уэльского к «жертвам фениев» добавились участвовавшие в процессии премьер-министр маркиз Солсбери и ещё несколько представителей тайного совета Великобритании. Георга и Алису из-за личных чувств Николай попросил не трогать.

На Дальнем Востоке в преддверии Русско-японской войны я оказался по поручению российского императора с официальной инспекторской проверкой. Кроме того, имел тайное поручение напасть на японскую базу Сасебо, используя боевых пловцов и торпедные катера, если микадо не начнёт войны до конца августа 1903 года, так как военные наши силы достиг-

ли на Дальнем Востоке в этот момент максимума. И дальше ждать было нельзя, так как, по имеющимся данным, англичане готовились передать японцам несколько броненосцев, которые нивелировали бы наше преимущество на море.

Но японцы не подвели и напали первыми. Как и в моём мире, война началась с подвига крейсера «Варяг». Только не в Чемульпо, а в Мозампо. Наш геройский крейсер принял неравный бой с японской эскадрой, а в помощь ему было задействовано новое оружие Российской империи — боевые пловцы и торпедные катера. Как результат, мы потеряли «Варяг» и один торпедный катер, а Япония — броненосец и семь крейсеров. При этом погиб контр-адмирал Катаока. Потом были Чемульпо и битва основных морских сил в Жёлтом море, после которых Страна восходящего солнца потеряла преимущество на море.

Георг V решился на беспрецедентный шаг, продав-передав Японии шесть броненосцев и четыре броненосных крейсера вместе с экипажами. Во время передачи этих кораблей в порту Бомбей вновь отличились боевые пловцы и торпедные катера, которые умудрились потопить три англо-японских броненосца и три крейсера.

А потом была Цусима, и англо-японский флот перестал существовать. У Японии оставалась надежда на британские семь броненосцев типа «Маджестик» и шесть броненосных крейсеров типа «Кресси», которые на момент моего ранения бункеровались в Сингапуре. Эти корабли вместе с экипажами-добровольцами передавались Японии по схеме ленд-лиза, которую предложили американцы.

Тогда же от Финансиста из Америки пришла информация, что президент Рузвельт рассматривает возможность отправки в Жёлтое море трёх броненосцев

типа «Иллинойс», броненосца «Айова» и трёх броненосцев типа «Мэн», также по ленд-лизу с экипажами-добровольцами.

В этой непростой ситуации было решено усилить боевые действия на суше в Корее и на Хоккайдо, вынудив императора Муцухито капитулировать до прихода объединённой англо-американской эскадры. Для устрашения японцев в боевых действиях задействовали дирижабль, который осуществил бомбардировку нескольких городов противника, используя в том числе и зажигательные бомбы.

Вот такие события произошли в Русско-японской войне в этом мире, в котором до восьмьдесят восьмого года события протекали так же, как и в моём прошлом-будущем.

Особо хочется отметить, что Николай II — не тот рохля, как в моём прошлом, а довольно-таки резкий правитель, который решительно отомстил Британии за гибель родителей, брата и сестры. Гвардейский мятеж великого князя Владимира Александровича буквально утопил в крови.

Ввёл изменения в законодательство Российской империи, которые, с моей подачи, практически полностью копировали сталинскую пятьдесят восьмую статью из прошлого-будущего, что позволило взять за горло и революционеров, и аристократию, и чиновников, и буржуазию.

Два года назад император отменил выкупные платежи для крестьян, готовились ввести конституцию после войны.

Столыпин и Струве в Гродненской губернии по поручению государя проводят аграрную реформу, положительный опыт которой будет применён на всей территории Российской империи.

Я к этим событиям имею непосредственное отношение как доверенное лицо Николая Александровича. Благодаря этому прогрессорствую потихоньку, особенно в военной области. Это и военный дирижабль, и подводная лодка, и боевые пловцы, и торпедные катера, и улучшенные пулемёты Мадсена, Максима, и пистолет-пулемёт специальный, и снайперская винтовка, и прочие военные вундервафли, включая новую тактику боевых действий.

Также в этом мире с моей помощью на сорок лет раньше появился пенициллин или что-то на него похожее. Произвели его с моей подсказки супруги Бутягины, и уже тысячи больных и раненых выжили благодаря этому лекарству. Супруги не только создали сильный антибиотик, но и провели удачные испытания, убедили многих медицинских светил, и теперь в Томске уже больше двух лет действует бактериологический институт с производственными мощностями по изготовлению пенициллина, а также противодифтерийной сыворотки и оспенной вакцины.

Последней мыслью, перед тем как окончательно провалился в сон, была: «Что же, в этом мире время я провёл не зря. Пятнадцать лет урагана, а не жизни, вместо пенсионерского прозябания в прошлом-будущем».

Вечером было ещё одно принятие пищи и лекарств, очень болезненная процедура перевязки, а потом более или менее спокойный сон до утра. Утренние процедуры с помощью пожилой сестры милосердия. Завтрак из кашки-размазни. Витаминный коктейль а-ля Бутягины. Потом врачебный консилиум во главе с профессором Павловым над моей тушкой, во время которого мне сообщили, что я пошёл на поправку. Будто я сам этого не почувствовал. До этого были какие-